

На правах рукописи

БИРЮКОВА АРИНА ВИКТОРОВНА

**ПРАВОСЛАВНАЯ КАРТИНА МИРА ДОНСКИХ КАЗАКОВ
В ИЗОБРАЖЕНИИ М. А. ШОЛОХОВА**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Ростов-на-Дону – 2020

Работа выполнена на кафедре русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Научный руководитель: **Савенкова Людмила Борисовна**, доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Селиверстова Елена Ивановна**, доктор филологических наук (10.02.01 – русский язык), профессор, заведующий кафедрой русского языка для гуманитарных и естественных факультетов ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»;

Уманцева Лидия Васильевна, кандидат филологических наук (10.02.01 – русский язык), доцент, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин, Ростовский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «**Московский педагогический государственный университет**»

Защита состоится «18» декабря 2020 г. в 15.00 часов на заседании совета по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук Д 212.168.09 в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого» по адресу: 173014, Великий Новгород, Антоново, ауд. 1209.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого <http://www.novsu.ru>, с авторефератом – на сайте <https://vak.minobrnauki.gov.ru>.

Автореферат разослан «___» _____ 20__ года.

Учёный секретарь

диссертационного совета,

кандидат филологических наук, доцент

В.И. Макаров

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена изучению языковой картины мира казаков романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» в аспекте языкового отражения их религиозных (православных) ценностей. Антропоцентрическая направленность современной лингвистики обуславливает приоритетность исследования того, какими способами и с помощью каких средств отражаются в языке культурные ценности. Многообразие современных лингвокультурологических изысканий вызвано не в последнюю очередь тем, что вследствие активизации миграционных процессов и постоянного расширения мирового информационного пространства человечество вступило в эпоху глобализации. Это ставит под угрозу сохранение отдельных этнических сообществ и порождает проблему национальной идентичности. Ценности (не только в отдельности, но и в своей совокупности, а также в иерархической упорядоченности) осознаются учеными как фундаментальные характеристики этнокультуры. Именно их системы определяют картины мира каждого народа, отражаясь, закрепляясь в языке и вновь формируясь посредством уже сложившегося национального языка [Гумбольдт 1984; Вайсгербер 1993; Сепир 1993; Уорф 1960]. С последней трети XX века интерес к проблемам существования в сознании и отражения в языковой системе и речевом употреблении представлений о ценностях возрастает, появляется новое направление, выступающее в качестве нового исследовательского подхода в лингвистике, – аксиологическая лингвистика; возникают лингвистические работы о базовых культурных ценностях, национальной специфике ценностной картины мира [Бенвенист 1974; Постовалова 1988; Уфимцева 1988, Серебренников 1988; Баранов 1989; Кубрякова 1994; Вежбицкая 1996; Маслова 1997; Арутюнова 1999 и мн. др.]. Но до сих пор недостаточно охарактеризованы ценностные картины мира писателей, даже крупнейших, не в полной мере описаны ценностные доминанты героев их художественных произведений. Скупо освещена проблема православной картины мира, детальное осмысление которой не

может быть неактуальным для современного русского национального сознания. Тем более значимым представляется получение знания о ее модификациях, формирующихся в отдельных социокультурных объединениях, к числу которых можно отнести, например, и казачество.

В той или иной мере вопрос о православной ценностной картине мира, сформировавшейся в сознании донского казачества, рассматривался учеными, начиная с первой трети XIX века, когда его коснулся известнейший отечественный историк Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского» [Карамзин 1819]. Почти в это же время (с 1817 г.) начался сбор статистических данных о войске Донском, в том числе данных и о конфессиональной принадлежности казаков. В 1884 г. Семён Номикосов, член-секретарь Областного войска Донского Статистического комитета, опубликовал «Статистическое описаніе Области войска Донскаго» [Номикосов 1884]. В первой четверти нового столетия донское казачество стало объектом пристального внимания донского краеведа Е. П. Савельева [Савельев 2012]. Стремление осмыслить роль православия в жизни казачества обнаруживается и в современности. В этом можно убедиться, обратившись к составленному К. Н. Хохульниковым сборнику «Степные рыцари России!... Казачье зарубежье» [Хохульников 2005]. В последние десятилетия к историкам и краеведам подключились и филологи. Здесь наиболее значимыми представляются изыскания А. А. Дырдина [1997; 2014], Н. В. Стюфляевой [2002; 2004; 2013], Н. В. Ершовой [2002], А. П. Чаловой [2007], Я. В. Солдаткиной [2013], Н. И. Стопченко [2013], Л. Б. Савенковой [2013], Л. Г. Сатаровой [2016] и др. Однако, при общей внушительности перечня трудов предшественников, насколько известно, заявленная проблема не ставилась с лингвистических позиций во главу угла и не рассматривалась в аспекте выявления факторов, влияющих на изменение картины мира донских казаков с течением времени.

Актуальность изыскания определяется необходимостью осмысления представителями лингвокультурных сообществ национальной идеи,

параметров культурной самоидентификации и ее лингвистического выражения в языковых картинах мира, а если говорить о России, то в православной языковой картине мира. Обращение же к православной картине мира казачества обусловлено уникальностью устройства этой социокультурной общности, характерной только для восточных славян.

Опора на тезис об отражении общечеловеческих и оригинальных ценностей каждой культуры в высказываниях, продуцируемых ее выдающимися носителями, убеждает в целесообразности поиска ответов на вопросы об исторически сложившейся и существующей в динамике российской системе религиозных ценностей путем изучения художественных текстов, которые представляют собой эпическое повествование о жизни народа в переломные эпохи: именно в такое время народ решает, какие ценности для него являются незыблемыми, а какие – уходят на задний план. Именно на этом основании **объектом исследования** была выбрана ценностная картина мира донского казачества, изображаемая М. А. Шолоховым в романе «Тихий Дон». **Предмет** рассмотрения составляют лингвистические средства отражения упомянутой картины мира, в том числе фразеологические и лексические единицы, включающие корневые морфемы *бог-*, *господ-*, *христ-*, *крест-*, *мол-*, *вер-*, *церков-/церкв-*, *икон-*, *образ-*, *цар-*, *государ-*, *импер-*, а также текстовые фрагменты, имплицитно заключающие в себе ценностное отношение к миру.

Цель исследования – на основе полиаспектного лингвистического анализа романа «Тихий Дон» реконструировать изображаемые в нём элементы традиционной казачьей аксиосферы с уточнением роли православия в ней и выявить представление М. А. Шолохова о степени сохраненности православной картины мира у донских казаков в изменившихся социокультурных условиях первой четверти XX века.

Достижение сформулированной выше цели возможно благодаря решению следующих **задач**:

1) знакомству с трудами предшественников по теории ценностей, осмыслению понятий «картина мира», «языковая картина мира» и формулированию рабочих определений соответствующих терминов;

2) уяснению на основе текстов Священного Писания и Священного Предания системы ценностей, важных для христианской картины мира;

3) выявлению на основании исследования памятников древнерусской литературы «Сын церковный» и «Домострой» общеправославных ценностей русского народа.

3) обобщению мнений гуманитариев различных областей науки по поводу того, в какой мере мировоззрение у донских казаков было православным и было ли оно определяющим их традиции;

4) отысканию в текстах XVII–XIX веков, авторами которых являются донские казаки, лингвистических аргументов, подтверждающих православный характер ценностей, которые можно считать приоритетными для донского казачества в его историческом существовании;

5) определению специфики аксиологической картины мира донских казаков первой четверти XX века в видении М.А. Шолохова и степени ее соответствия ценностям православия.

Основным источником материала исследования служит роман М. А. Шолохова «Тихий Дон» (анализ и цитация осуществляется по тт. 1–4 Собрания сочинений в 8 тт. 1985–1986 гг.). Базой для лингвокогнитивного и лингвостилистического анализа стали 735 извлеченных из романа путем сплошной выборки текстовых фрагментов, в которых присутствуют словоформы с корнями *бог-*, *господ-*, *христ-*, *крест-*, *мол-*, *вер-*, *церков-* /*церкв*, *икон-*, *образ-*, *цар-*, *государ-*, *импер-*, семантически ориентированные на религию. Наряду с этим в анализ вовлекаются и те фрагменты текста, которые не имеют в своем составе упомянутых словоформ, однако имплицитно указывают на наличие либо отсутствие православного мировидения у казаков.

Дополнительными источниками материала являются «Повесть об Азовском осадном сидении Донских казаков», «Сын церковный» и «Домострой».

Методологическую базу исследования составили:

1) признание языка и использующего его общества двумя взаимодействующими и взаимовлияющими силами (см. работы Р. А. Будагова [1976], А. Д. Швейцера [1976], М. И. Исаева [1981], В. Д. Бондалетова [1987] и мн. др.);

2) теоцентрический подход, присущий традиционному русскому религиозному сознанию, позволяющий исследователю уяснить структуру ценностной языковой картины мира древнерусского человека (см. работы М. М. Дунаева [2000], святителя Феофана Затворника [2005], В. Г. Патрина [2006], Н. А. Мосиной [2012], святителя Филарета Московского [2013], протоиерея Олега Стеняева [2013], архимандрита Тихона Шевкунова [2015]; иеромонаха Иова (Гумерова) [2007] и мн. др.);

3) антропоцентрический подход, нацеливающий на изучение явлений действительности с центральной ориентацией на внутренний мир человека ([Гумбольдт 1984]; [Вайсгербер 1993]; [Хайдеггер 1993]; [Болдырев 2001]; [Гвоздарёв 2008]; [Савенкова 2002, 2011, 2013, 2014] и мн. др.);

4) учет системного характера языковых и речевых средств, позволяющего классифицировать их в соотнесении с интегральными и дифференциальными признаками (см., например: [Соссюр 1977; Караулов 1976; Кузнецов А. М. 1986; Баранов О. С. 1992] и мн. др.);

5) аксиологический подход, который позволяет объективировать ценности, существующие в картине мира человека ([Баранов А. Н. 1989]; [Выжлецов 1996]; [Маслова 1997]; [Каган 1999]; [Крюков 2001]; [Степанов 2004]; [Вольф 2006]; [Корнилов 2011] и мн. др.).

Теоретическую базу исследования составили идеи В. фон Гумбольдта [1994], Э. Сепира [1993], Б. Уорфа [1960], Л. Вайсгербера [1993], Э. Бенвениста [1974], В. И. Постоваловой [1988], Е. М. Верещагина и

В. Г. Костомарова [2014], А. А. Уфимцевой [1988], Б. А. Серебренникова [1988], А. Вежбицкой [1996], Е. С. Кубряковой [1994] и др. – об отражении в сознании человека окружающего его мира, формировании его общей картины и воплощении данной картины в ткани языка; Н. Д. Арутюновой [1999], Ю. Д. Апресяна [2006], Ю. С. Степанова [2004], В. И. Карасика [2002; 2004, 2010], Г. Г. Слышкина [2001], Анны А. Зализняк, И. Б. Левонтиной и А. Д. Шмелёва [2005], Е. Ф. Серебренниковой [2008], В. И. Постоваловой [2013] – о ценностной составляющей лингвистического воплощения представлений о человеке и его бытии; П. А. Флоренского [1990], святителя Феофана Затворника [2005], протоиерея Бориса Балашова [2010], святителя Филарета Московского [2013], святителя Николая Сербского [2016], протоиерея Олега Стеняева [2013], архимандрита Тихона Шевкунова [2015] и др. – о ценностях православия. Среди трудов современных исследователей о русском национальном самосознании интерес представляют книги Фазиля (Василия) Ирзабекова «Тайна русского слова» [2016], а также историка Л. П. Решетникова «Вернуться в Россию» [2017].

Особый вклад в философское осмысление данной проблемы в XIX–XX вв. в России внесли Л. П. Карсавин [1993], Н. О. Лосский [1931; 1995], А. Ф. Лосев [1997], Н. Я. Данилевский [2003], С. С. Аверинцев [2005], И. А. Ильин [2011] и др.

Исследование строится на верификации **гипотезы** о том, что в основе ценностной картины мира донского казачества лежали христианские ценности православной культуры, но со временем православная картина мира казаков частично трансформировалась. В ходе лингвистического анализа текста «Тихого Дона» решаются вопросы, показывает ли автор появление изменений в системе традиционных ценностей казаков и – в случае положительного ответа – обусловлены ли изменения в аксиосфере отходом от православия.

Решение поставленных задач осуществлялось с применением **методов** лингвокогнитивного, лингвоаксиологического, лингвостилистического и

общефилологического анализа с обращением к приемам компонентного и контекстуального анализа, а также с использованием элементов количественной обработки материала.

Научная новизна исследования усматривается в том, что в нём, благодаря выбору аксиологического подхода, выявляются приемы фиксации в шолоховском тексте представлений о традиционной ценностной картине мира донского казачества и определяется степень ее соответствия православной аксиосфере.

Теоретическая ценность представленной диссертации видится в корректировке методики выявления в художественном тексте приемов изображения ценностной картины мира, в осмыслении народных и авторских представлений о ценностной картине мира донского казачества в соотнесении с православной системой ценностей, в постановке проблемы отражения в художественном тексте связи православия и самоидентификации донского казачества, в оценке взглядов М. А. Шолохова на аксиосферу донского казачества начала XX века.

Практическую значимость диссертации составляет возможность использования ее результатов в университетских курсах филологического анализа художественного текста, экспрессивной стилистики, лингвокультурологии, а также выборных курсах лингвоаксиологии, языка художественной литературы, идиостиля М. А. Шолохова. Полученные выводы могут представлять интерес для исследователей смежных областей науки: литературоведов, философов, культурологов, историков, психологов.

На защиту выносятся следующие положения:

На защиту выносятся следующие положения:

1. Ценностная картина мира донских казаков имеет в своём основании православные ценности и стремление к богоцентричности.
2. Филологический анализ «Повести об Азовском осадном сидении Донских казаков» показывает специфику православной картины мира казачества в отличие от православной картины мира русского крестьянства:

казачья жизнь изначально заключалась в добровольном несении военной службы в защиту Веры Православной, Царя и Отечества и основывалась на исполнении заповеди Христовой о любви к ближнему: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Библия, Ин. 16:13, с. 133).

3. В романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» частично отражена православная картина мира донского казачества, которая имеет своё основание в ценностях, запечатленных в текстах Священного Писания Ветхого и Нового Завета, а также в Священном Предании. Автор описывает жизнь казаков, в той или иной мере – формально или по содержанию – ориентированную на иерархически выстроенную систему православных ценностей, в центре которой находится сверхценность (= абсолютная ценность) – Бог.

4. Православная картина мира донских казаков, отражённая в романе «Тихий Дон», эксплицируется употреблением и определённой сочетаемостью а) слов с корнями *бог-*, *господ-*, *христ-*, используемых для отсылки к Имени Божьему и прямого выражения отношения людей к Богу и демонстрации их представлений о Нём, б) слов с корнями *вер-*, *мол-*, *крест-*, *церков-/церкв-*, *икон-*, *цар-*, *государ-*, *импер-* и др., принадлежащих религиозному дискурсу, – для имплицитного выражения отношения людей к Богу и представлений о Нём; в) реминисценций, отсылающих к текстам Священного Писания – для указания на существование ориентации мировоззрения персонажей на православные ценности.

5. В отличие от православной картины, запечатлённой в «Повести об Азовском осадном сидении Донских казаков», текст романа «Тихий Дон» свидетельствует: М. А. Шолохов транслирует читателю мысли о частичной трансформации мировоззрения донского казачества первой четверти XX в., о смещении системы его ценностных координат от православного богоцентризма к антропоцентризму, об изменении православной картины мира казаков и о том, что все это служит основанием для трансформации в

целом аксиологических установок и обыденного поведения описываемого автором социокультурного сообщества.

Исследование прошло апробацию промежуточных результатов на девяти научных форумах различных уровней. Основные положения диссертации были изложены в докладах на ежегодных международных научно-практических конференциях «Изучение творчества М. А. Шолохова на современном этапе: проблемы, концепции, подходы» («Шолоховские чтения») с 2014 по 2020 гг. в станице Вёшенской Ростовской области, в докладе на Международной научно-практической конференции «Современные парадигмы лингвистических исследований: методы и подходы» (Стерлитамак, 2016); в докладе на Всероссийской научной конференции «Язык как система и деятельность – 6» (Ростов-на-Дону, 2017). По теме исследования автором единолично опубликовано десять статей (общим объемом в 4,716 п.л.), четыре из которых размещены в изданиях, рекомендуемых ВАК РФ.

Объект, предмет, цель и задачи исследования определяют **структуру диссертационной работы**, которая состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность диссертации, указываются объект, предмет, цель и задачи работы, характеризуется материал и методы его анализа, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, приводятся данные о его апробации, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Глава 1 «Теоретические основы лингвистического исследования православной картины мира казака» (четыре параграфа) касается истории вопроса и формулирования на основе знакомства с трудами предшественников содержания основных теоретических понятий: ценность, картина мира, языковая картина мира. Кроме того, в ней на материале

текстов Священного Писания и Священного Предания, нескольких произведений древнерусской литературы рассматриваются главные ценности православия и приводятся лингвистические аргументы возможности оценить традиционную ценностную картину мира донского казачества как православную.

Первый параграф посвящён формулированию рабочего определения термина «картина мира» как отражения представлений человека о реальном мире с последующим уточнением специфики термина «языковая картина мира». Уже в 30-е – 40-е гг. прошлого столетия М. Хайдеггер определяет картину мира не просто как изображение мира, а как «сам мир, его сущее в целом, как оно является определяющим и обязывающим для нас <...> Картина мира, сущностно понятая, означает, таким образом, не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картины» [Хайдеггер 1993, с. 49]. Последователь В. Гумбольдта, Л. Вайсгербер, в тридцатых годах XX века ввел в науку термин «языковая картина мира» (*sprachliches Weltbild*). Картина мира складывается в процессе интерпретации действительности, служит способом её интерпретации и, фиксируясь в языке, составляет языковую картину мира. А языковая картина мира, благодаря тому, что в ней запечатлены, сохраняются и передаются из поколения в поколение ценностные доминанты национальной картины мира, может снова формировать картину мира нового поколения. К проблемам отражения в языке основных категорий бытия (пространства, времени, субстанции), а также других бытийных категорий и норм поведения обращались такие отечественные ученые, как А. Ф. Лосев [1997], В. Н. Телия [1988]; Б. А. Серебрянников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова [1988]; А. А. Уфимцева [1988]; Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелёв [1994–2003]; А. Вежбицкая [1996]; Н. Д. Арутюнова [1999]; Ю. Д. Апресян, В. Е. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, А. В. Санников, Е. В. Урысон [2006] и др.

Во *втором параграфе* на основе текстов Священного Писания и Священного Предания рассматриваются ценностные доминанты православной картины мира. С опорой на изречение апостола Павла к ним можно отнести веру, надежду и любовь: «*А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь*» (Библия, 1 Кор. 13:13, с. 1143). Как отмечает святитель Филарет, Церковь вводит православного христианина в учение о вере посредством «Символа веры»; в учение о надежде – посредством молитвы Господней («Отче наш»); в учение о любви – посредством трансляции ему заповедей Закона Божьего. Эти три составляющие образуют основание системы базовых ценностей православной картины мира и всецело объединены вокруг абсолютной положительной сверхценности – Бога: вера в Бога, надежда на Бога и любовь к Богу, в свете которой обозначается также и любовь к ближним. Прочие абсолютные ценности, входящие в состав базовых ценностей – веры, надежды и любви, – лишь конкретизируют их и подобно им концентрируются вокруг единой абсолютной сверхценности – Бога.

В *третьем параграфе* анализируются памятники древнерусской литературы «Сын церковный» (XVI в) и «Домострой» (XVII в.) как произведения, отражающие православную народную традиционную картину мира древнерусского человека, которая не была делима на веру, культуру и быт, а составляла целостность, имея единый центр в Боге. Особо здесь следует выделить религиозные чувства совести и страха Божьего. Совесть в «Домострое» понимается как «*око сердечное взирающее къ Богу*» (Домострой с. 8). О страхе Божьем говорится как о благоговении перед Господом, которое должно сопровождать христианина во всех делах земной жизни: «*Страхъ Божии всегда имѣи в сердци своемъ и память смертнующую, и любовь нелицѣмерную ко всемъ. Всегда волю Божию твори, и по заповѣдемъ Его ходи. Рече Господь: в чемъ ты застану, въ томъ и сужу*» (там же с. 10–11). Целостность мировидения славян отражается также в мысленной проекции Неба на землю: «если на Небе есть Царь, должен быть государь на земле,

если есть воинство ангельское, должно быть войско государево» [Стеняев: 2013]. В «Сыне церковном» и «Домострое» данная проекция наблюдается в таких аналогиях: Царь Небесный – царь земной; Жизнь Вечная – жизнь земная; Страшный Суд Небесный – суд общества людей.

Четвёртый параграф посвящён проблеме выявления специфики православной картины мира казаков в «Повести об Азовском осадном сидении Донских казаков» (1641 г.), письменном документе от лица самих казаков, посредством поиска ответов на два ключевых вопроса: была ли культура казаков ориентирована на православные ценности и, если да, то каким образом православная культура была воспринята и осмыслена казаками? Основываясь на существующих письменных свидетельствах и научных данных, следует полагать, что культура казаков издавна была в своей основе православной [см.: Карамзин 1819, т. 8, с. 137–138; Лишин 1891, т. I, с. 40 и др.]. В повести разделение воюющих на *своих* и *чужих* строится по принципу принадлежности или непринадлежности к православной вере. Турок казаки называют *бусурманами* (*бусурман* – в языке XVII в. ‘мусульманин’ или просто ‘иноверец, не христианин’ [СРЯ XI–XVII вв., вып. 1, с. 359]). Сами себя казаки именуют: *люди Божии; холопы государя царя Московского; христиания православные*. Казаки выражают мысль известного дореволюционного девиза «За веру, царя и Отечество!»: «А смерть наша грешничья в пустынях за ваши иконы чудотворныя, и за вѣру христианскую, и за имя царское, и за все царство Московское» (Повесть, с. 171). Уходом в монастырь казаки прообразуют Небесное Ангельское воинство Христово.

Глава 2 «Изображение отношения казачества к Богу и вере как духовным ценностям в романе М. А. Шолохова “Тихий Дон”» (четыре параграфа) посвящена особенностям изображения писателем ценностной картины мира донских казаков, в частности – лингвистическим средствам и приемам маркировки отношения казачества к Богу и вере как духовным ценностям с учетом разграничения персонажной и авторской зон текста.

В *первом параграфе* содержится анализ фразеологических единиц с корнями *бог-*, *господ-*, *христ-* в персонажной речи романа. В романе «Тихий Дон» выявлено 339 устойчивых единиц с корнями *бог-*, *господ-*, *христ-*. Основной массив таких выражений (326 единиц) обнаруживается в репликах казаков. Сочетания различных представлений казаков о Боге можно сгруппировать по прагмасемантическому принципу и расположить в соответствии с интенсивностью употребления в речи персонажей – донских казаков (от наиболее интенсивного к наименее интенсивному). Анализ позволил выявить 7 таких смысловых групп устойчивых единиц: 1. Казаки считают Бога источником истины и своим Судьей – 73 случая: «– Платона Рябчикова с месяц назад расстреляли. – Что ты говоришь? – *Истинный бог!*» (ТД, 4, с. 316). 2. Казаки воспринимают Бога как носителя Благости (52 случая): *бог даст* (6), *видит бог* (4) и др. 3. Казаки признают Бога, в частности Иисуса Христа, высшей ценностью, значимой для всех них – 49 случаев: «*Ради господа Христа, сват! Ради создателя, родимушка, съезди ты в Вешки, привези нам его хучь мертвого! <...> – Не откажи, Петюшка! Ради Христа! Ради Христа!*» (ТД, 3, с. 147). 4. Казаки благодарят Бога, так как считают Его главным источником всяких благ – 48 случаев: «– Служивый? Целенький? Оборонил господь от лихой пули? Ну *слава богу*. Садись» (ТД, 3, с. 251). 5. Казаки считают Бога своим защитником и покровителем – 42 случая: «– Ну, *с богом*. Час добрый, – проговорил старик, крестясь» (ТД, 1, с. 29). 6. Казаки обращаются к Господу в трудных ситуациях – 35 случаев: «О, *господи, господи! Грехи наши тяжкие!*» (ТД, 4, с. 61–62). 7. Казаки почитают Бога своим Спасителем и желают спасения Христом души другого человека, часто в качестве благодарности – 27 случаев: «*Упаси бог*, либо к лошадям подойдет – вдарят, либо змея укусит. Не ездь с отцом, милушка, оставайся дома!» (ТД, 4, с. 159); «– Ну, *спаси Христос!* А я фуражкой бедствовал. В лавках нынешний год их не было...» (ТД, 2, с. 246).

Во *втором параграфе* анализируется функционирование слов с корнями *вер-*, *бог-*, *господ-*, *христ-* *мол-*, *крест-* в персонажной речи романа с

целью выявить, произошли ли изменения в православном мировидении донских казаков. В «Тихом Доне» встречается всего 20 словоупотреблений с корнем *вер-*, относящихся к вере в Бога. В речи героев встречается 75 словоформ с корнем *бог-*, 25 – с корнем *господ-*, 31 – с корнем *христ-*, 17 – с корнем *крест-*, 32 – с корнем *мол-*, не входящих в состав устойчивых выражений и тематически связанных с религией. Все 200 фрагментов романа с данными словоупотреблениями дают представления о базовых ценностях православия: вере в Бога, надежде на Бога и Божьих заповедях. Но они же в части случаев свидетельствуют и об изменении традиционного православного мировидения казаков. Если самый главный христианский праздник – Пасха – актуализирует ценность общности православной веры у части казаков-большевиков («большевики большевиками, а в бога веруем» (ТД, 2, с. 331)), то, например, в мировидении Григория Мелехова данная ценность начинает исчезать («Теперь ему уже казалось, что извечно *не было* в ней *такой правды*, под крылом которой мог бы посогреться всякий, и, до края озлобленный, он думал: *у каждого своя правда, своя борозда*» (ТД, 3, с. 168)), а затем полностью отрицается: «*бога-то нету* <...> Я в эти *глупости* верить давно перестал» (ТД, 4, с. 391). Образом своих мыслей, как Григорий, так и многие другие казаки, преимущественно молодого поколения, транслируют антропоцентрическое мировидение, где центральными являются воля и желание самого человека.

Третий параграф посвящён рассмотрению такой религиозной лексики романа, которая указывает на Гришаку Коршунова как на носителя традиционных казачьих православных ценностей. Гришака Коршунов пользуется «в хуторе всеобщим уважением за ясный до старости ум, неподкупную честность и хлебосольство» (ТД, 1, с. 86). Автор неоднократно подчёркивает христианский образ жизни героя: посещение им церковных служб («*Было воскресенье, и дед направлялся в церковь к вечерне*» (ТД, 3, с.130)), участие в церковных таинствах исповеди и причастия («*Дед Гришака говел на четвертой неделе. Приходил из церкви почерневший от холода*»

(ТД, 1, с.168)), соблюдение поста в среду («*Рыбки посолонцевать* неплохо, завтра *вокáт среда*» (ТД, 1, с. 111)) и др. У старика Коршунова имеется Псалтырь («Дед Гришака порылся в *псалтыре* и вынул смятый, провонявший затхлым канунным медом и ладаном лист» (ТД, 1, с. 184)), а в его горенке можно увидеть «*стопку церковных книг, сложенных под образами*» (там же). Он считает, что жизнь каждого человека находится в руках Господа: «Немощен плотью стал. Домовина уж какой год в анбаре стоит, а *господь, видно, забыл про меня*» (ТД, 3, с. 251). Сам себя старик Коршунов называет грешником, рабом Божьим: «Я уже иной раз, *грешник*, и взмолюсь ему: *Обороти, господи, милостливый взор на раба твоего Григория!*» (ТД, 3, с. 251). В опасные моменты дед Гришака уповает на силу крестного знамения («*анчихристы ко мне не взойдут, крестного знамения убоятся*» (ТД, 3, с. 352)), а в последние мгновения жизни произносит слова, в которых легко узнается молитва на исход души от тела. В кругу главных ценностей деда Гришаки обнаруживаются также и ценности, специфические для православного казачества, – защита веры, царя и Отечества: «Я, соколик, *верой-правдой своему белому царю служил. А власть эта не от бога. Я их за власть не сознаю*» (ТД, 3, с. 130). Гришака Коршунов даёт негативные характеристики трём разноплановым персонажам романа – Григорию Мелехову (*непочтительный, поганец*), Митьке Коршунову (*нечистый дух, вражина*) и Мишке Кошевому (*сукин сын, поганец, анчихристов слуга, супостатина*).

В **четвёртом параграфе** отражается тенденция к трансформации православного мировидения казаков в авторском повествовании романа благодаря обращению к тем его фрагментам, которые включают слова религиозной семантики, а также слова, отсылающие к образу главы государства, помазанника Божьего, – лексемы с корнями *цар-*, *государ-*, *импер-*. В романе встречается 101 словоформа с корнем *крест-*, 88 словоформ с корнем *церков-/церкв-*, 75 словоформ с корнем *бог-*, 20 употреблений с корнем *вер-*, 47 словоформ с корнем *мол-*, содержащих сему

‘религия’ и не входящих в состав фразеологических единиц. В авторской речи совсем не встречается слов корнем *вер-*, обладающих религиозной семантикой, – автор не навязывает читателю характеристики своих героев с точки зрения их веры или неверия в Бога. В речи автора, в отличие от персонажной речи, содержится меньшая доля слов с корнем *бог-* (9 из 266), но, тем не менее, именно они создают те точные, объёмные и красочные образы-характеристики, а порой выступают единственными штрихами для прорисовки отношения персонажа к религии. Так, в 8 из 9 случаев употребления словоформ с корнем *бог-* в авторском повествовании речь идет о том, что Богу *молятся* или, другими словами, *служат*. Слова с корнем *церков-/церкв-*, напротив, содержатся по большей части в повествовании автора – 65 употреблений из 88. Церковь служит неким стержневым ориентиром для развития сюжета романа, что отражено в соединении существительного *церковь* с пространственными предлогами: *в* (10 словоупотр.), *из* (6), *около* (3), *у* (2), *вокруг* (1), *возле* (3), *неподалёку от* (1), *за* (1), *из-за* (1), *до* (1), *по ту сторону* (1), *за* (1). Основываясь на изображении контрастных деталей вокруг образа церкви, автор высвечивает трансформации в религиозном мировидении казаков. С корнем *крест-* в «Тихом Доне» обнаруживается 104 словоформы, в подавляющем большинстве (84 употребления) относящиеся к авторскому повествованию. При этом крест как вещественный символ христианства упоминается 28 раз. Крест служит в романе некоей меткой, обозначающей пространство Божьего мира (нательные кресты, могильные кресты, крестное знамение, Крещение, крестная ответственность). В соответствии с авторским описанием встречается 16 (из 18) словоупотреблений с корнем *икон* 7 (из 8) словоупотреблений с корнем *образ-*. На примере семьи Мелеховых автор обращает внимание читателя на состояние православной казачьей традиции. Пантелей Прокофьевич и Ильинична благословляют иконами Григория и Наталью («Пантелей Прокофьевич, блистая чернью выложенной сединным серебром бороды, держал икону. Ильинична стояла рядом» (ТД, 1, с. 94)), а

затем уже одна Ильинична благословляет на брак Дуняшку: «– Ну что же, дóчушка... – прошептала она (Ильинична – А. Б.), *снимая икону*, – раз уж ты так надумала, *господь с тобой, иди...*» (ТД, 4, с. 280). Однако для Григория икона уже не относится к вещам необходимым и ценным: «Григорий дивился *бестолковости баб*, тащивших в телеге цветочные горшки, *иконы* и оставлявших в хатах вещи необходимые и ценные» (ТД, 1, с. 235). В романе также чётко выражено новое отношение к важной христианской ценности – царю как помазаннику Божьему. У большинства казаков пропадает желание защищать царя.

Глава 3 «Лингвистическая репрезентация человеческого и вечного в православной картине мира донских казаков» сосредоточивает внимание на противопоставлении или сопоставлении человеческого дольного (линейного) и Божьего, вечного, горнего (вертикального) мира в картине мира персонажей-казаков, воссоздаваемой автором романа.

В *первом параграфе* анализируются явления когнитивного диссонанса и коммуникативной неудачи как следствия несовпадения отношения персонажей к православным ценностям. Наиболее яркие случаи когнитивного диссонанса в романе касаются неоднозначности отношения к христианским ценностям «Не убивай», «Не укради», а также к ценности любви к ближнему, раскрывающейся в казачьем воинском братстве. Так, когда Штокман ставит вопрос о *распределении имущества* бежавших с белыми, казаки отвечают молчанием и расходятся, показывая неприемлемость для них такого акта: «*Толпа покатила к выходу, как просыпанная дробь*» (ТД, 3, с.156). А один из беднейших, Семка Чугун, косвенно свидетельствует о влиянии совести на такой выбор: «– Хозяева придут, опосля *глазами моргай...*» (ТД, 3, с.156).

Неоднозначность мнений казаков относительно присвоения чужого имущества ярко высвечивается в эпизоде конфликта между отцом и сыном Мелеховыми. Первый не брезгает *поджиться* добром противника, а «к Григорию как-то не привилось это <...>. Особенно отвратительным казался в

его глазах грабеж своих же казаков» (ТД, 3, с. 74). Григорий здесь демонстрирует настоящий идеал традиционного казачьего мировидения, отказываясь положительно оценивать неодобряемое им действие и, тем более, совершать его, соглашаясь даже ради этого понести лишения: «— *На черта мне это сдалось! Я и от взвода откажусь!..*» (ТД, 3, с. 78). (Ср.: «И мы люди Божии <...> как можем служить царю неверному! Оставля пресветлой светъ здешний и будущий, *во тму итти не хочетца!*» (Повесть, с. 166). В «Тихом Доне» казаки, не являясь братьями по крови, обращаются друг к другу или характеризуют друг друга, используя слова *брат, братец, браток, братушка*. Такие словоформы употребляются в романе свыше 170 раз. Например: «Сигайте в яр, *казаки! Братцы, в яр!*» (ТД, 2, с. 182). На таком фоне контрастным выглядит следующее заявление Кошевого: «В ней, *в этой войне, сватов, братьев нету*. Начертился – и иди!» (ТД, 3, с. 138). Вытеснение представления о казаке как о брате разрушает, по сути, ценность христианской любви к ближнему. В традиционной среде казаков убийство пленных и слабых видится невыносимым, о чём свидетельствует, например, высказывание Ильинишны («Да разве ж это *казацкое дело – казнителем быть, старух вешать да детишков безвинных шашками рубить?!*» (ТД, 4, с.96)) и недоумение Григория в диалоге с сестрой, узнавшем, что пленных побили: «— Чего ты *мелешь?!* – испуганно хватая сестру за ворот расшитой рубахи, вскричал Григорий» (ТД, 3, с. 308). В этом отображении душевного смятения героя можно увидеть отголосок неосознанного чувства религиозного страха перед Богом, ведь нарушена Его заповедь «Не убивай!» Ценность супружеской верности («Не прелюбодействуй») также актуализируется и понимается как необходимый закон жизни, принятый у казаков издавна и сравниваемый с образом борозды: «Про жену не забывай, мой тебе приказ. Она ласковая баба и в законе с тобой. Ты борозду не ломай и отца слухай» (ТД, 1, с. 210).

Некоторые случаи когнитивного диссонанса указывают на реализацию в сознании казаков традиционного взгляда на значимость для них царя.

Заявление Сергея Платоновича «*без царя будем жить*» (ТД, 2, с. 69) воспринимается стариками-казаками с недоумением: «*Как же без царя-то?*» (там же); «*Отцы наши и деды при царях жили, а теперя не нужен царь?*» (там же); «*Голову сними – небось, ноги без неё жить не будут*» (там же); «*Казакам, значит, концы приходят?*» (ТД, 2, с. 69). Высказывания же о царе молодых казаков контрастируют с традиционным видением: «*Царек-то у нас хреновый, – нечего греха таить*» (ТД, 2, с. 47), «*Порядки-то кривые были при царе, для бедного народа вовсе суковатые...*» (ТД, 2, с. 104). Возможно, самый яркий и значимый диссонанс возникает в сознании Григория Мелехова, который стремится жить по правде и по совести, но не находит соратников: «*Мне, если на правдок гутарить, ни те, ни эти не по совести*» (ТД, 3, с. 135). Именно он вслед за дедом Гришакой выбирает единственно верный третий путь – отказа от братоубийственной войны, бросая своё оружие под лёд в финале романа.

Второй параграф посвящён лингвистическому представлению времени в традиционной русской культуре как взаимосвязи Божьей всевременности и обыденного времени. В архаическом сознании время и пространство мыслились в единстве: «в архаической модели мира пространство не противопоставлено времени» [Топоров 1983, с. 231–232]. В. И. Постовалова утверждает, что в соответствии с православно-христианским мирозерцанием «время неотделимо от вечности, пронизывающей, по такому мироощущению, каждый миг исторического времени»; «адекватное рассмотрение времени возможно вообще лишь в перспективе вечности – *sub specie aeternitatis*» [Постовалова 2013, с. 91]. В соответствии с концепцией христоцентризма (В. С. Соловьёв, С. Л. Франк, П. А. Флоренский и др.) все события обыденной действительности в христианском восприятии времени соотносятся с единым ценностным ядром – Христом. В соответствии с представлением о времени в его взаимосвязи с вечностью в романе «Тихий Дон» можно выделить речевые маркеры, указывающие на высшую христианскую ценность – Бога и отсылающие читателя к ценностям

православия, – словоупотребления с корнями *бог-*, *господ-*, *христ-*, *крест-*, выступающие в качестве общепринятых формул приветствия, прощания, напутствия, пожелания. Такие формулы произносятся с целью напомнить о вечных ценностях христианского аксиологического кодекса. Однако в «Тихом Доне» неоднократно наблюдается трансформация такого понимания. Например, предупреждая Григория, чтобы тот молчал о совершённом преступлении, казак угрожает его убить и при этом заверяет Именем Христа: «Вякнешь кому – *истинный Христос, убьём!*» (ТД, 1, с.225). А вот просьбу казака не казнить его и отпустить, которую тот подкрепляет обращением к высшей ценности – Богу («Пустите, *ради Господа Бога!*<...> Я на германской четыре креста заслужил!.. У меня детишки!.. *Господи, неповинный я!*..») (ТД, 2, с. 345), можно расценить как апелляцию к вечным истинам. Словоформы с корнями *бог-*, *господ-*, не входящие в состав фразеологических единиц, а также слова с корнем *крест-*, отсылающие в ряде случаев к Богу и Его заповедям, также могут выступать маркерами высших абсолютных ценностей христианской веры. В такой же роли выступают персонажные реминисценции из Священного Писания и Священного Предания, а также слова религиозной семантики. Произнося Имя Божье, представители преимущественно старшего поколения напоминают другим о Божьей правде, совести, пытаясь возбудить в адресатах чувство страха Божьего. Так, Пантелей Прокофьевич, желая донести до Григория мысль, что осуждает его уход от жены, и уже не надеясь на свой авторитет отца, обращается к авторитету Бога. Аппеляцией к Богу отец как бы спрашивает сына, как на такое его поведение посмотрел бы Бог, тем самым напоминая ему о Божьей заповеди «Не прелюбодействуй»: «Значится, не думаешь с женой жить? < ...> А *бог?*» (ТД, 1, с. 200). С корнем *господ-* в романе произносятся слова молитвы – личные обращения героев романа к Богу в различных ситуациях их обыденной жизни. Также к смыслам Священного Писания отсылают многочисленные цитаты из Библии, включающие словоформы с корнем *господ-* и произносимые дедом

Гришакой. Интерес представляют также аллюзии на тексты православия, звучащие в речи казаков. Так, при захоронении Валета казаки выказывают свою уверенность в реальности Второго Пришествия Христова и Воскресения мертвых: «*Затрубят ангелы на Страшный суд – все он проворней на ноги встанет*» (ТД, 2, с. 351). Мирон Григорьевич свою быструю езду сравнивает с ездой Ильи пророка на своей колеснице: «*Двадцать верст до слободы Ореховой летел он, как после сам говорил, шибче, чем пророк Илья на своей колеснице*» (ТД, 3, с. 10). Большинство словоформ с корнем *крест-*, употребляемых в религиозном значении, в романе представлено в авторском повествовании – 84 словоупотребления из 104. Но наиболее яркие, хотя и немногочисленные примеры аллюзий наблюдаются в речи персонажей. Так, в эпизоде избиения казаками Мишки Кошевого звучит голос из толпы: «*Пустите парня! Что вы, креста не имеете, что ли? Брось, Антип! В отца жизнь не вдунешь, а человека загубишь... Разойдитесь, братцы!*» (ТД, 3, с. 163). Кроме данных словоупотреблений, ещё стоит обратить внимание на единичные фрагменты с включением слов религиозной семантики, также напоминающих о вечных ценностях Божьего мира. Например: «*Ты, односум, уж не брещи, ради близкого праздника*» (ТД, 1, с.136). Немаловажным для отражения религиозного представления о времени выступает иллюстрация автором жизни героев романа в соответствии с богослужебными церковными кругами – суточным, седмичным и годовым. В соответствии с богослужебными кругами временные промежутки обыденной жизни традиционно соизмерялись с вечными ценностями и наполнялись духовными смыслами, и, таким образом, все события обыденной жизни с духовной точки зрения имели единый центр – Бога. В соответствии с суточным кругом казаки «Тихого Дона» молятся перед едой, после еды, по утрам, на сон грядущий, постятся. В воскресенье, почитая его за праздничный день, казаки массово идут в храм. Более всего в романе упоминается о событиях годового церковного круга, который касается главных православных праздников и постов, связанных с ними.

Событиями богослужебного годового круга маркируются события обыденной жизни, как то: погодные условия и события природы, хозяйственные дела. Но чаще всего событиями годового круга маркируется время значимых эпизодов в отношениях между казаками, отмечающее те или иные поворотные моменты в их жизни. Например: «Как-то *перед пасхой* Наталья встретила около моховского магазина Пантелея Прокофьевича» (ТД, 1, с. 170). Также церковными датами отмечаются экзистенциальные промежуточные события – состояния между жизнью и смертью, между миром и войной. Например: «Наталья медленно оправлялась после тифа. *На второй день троицы* она впервые встала с постели, прошлась по комнатам» (ТД, 4, с. 30); «*До пасхи* о войне не было ни слуху ни духу, а в *страстную субботу* прискакал из Вешенской нарочный» (ТД, 2, с. 312).

В **Заключении** излагаются основные результаты исследования.

Признание языковой картины мира средством не только отражения, но и формирования представлений этноязыкового сообщества о человеке и его бытии, о его взаимодействии с окружающим миром неминуемо влечет за собой утверждение тезиса о том, что люди не просто познают мир, но и оценивают его в соответствии со своими потребностями и устремлениями. Следовательно, именно ценностный взгляд на мир служит формированию его картины. Будучи существом не только биологическим, но также и социальным, душевным и духовным, человек испытывает потребности разного рода, начиная элементарными, которые позволяют ему функционировать как любому живому организму, и кончая духовными – потребностями высшего порядка, обуславливающими стремление постичь смысл и законы бытия. В числе духовных ценностей важное место занимают ценности религиозного характера, которые выступают в качестве объединяющего начала для признающих их субъектов или становятся причиной отчуждения от тех, кто данные ценности не разделяет. В основе православной картины мира лежат следующие ценности: 1) абсолютная положительная сверхценность – **Бог**; 2) три производных от сверхценности

абсолютных положительных ценности: а) **вера в Бога**, суть которой изложена в православном «Символе Веры», б) **надежда на Бога**, отраженная в молитве «Отче наш», в) **любовь к Богу и ближним**, представленная в заповедях Божьих (Декалоге и заповедях Нового Завета).

Филологический анализ «Повести об Азовском осадном сидении Донских казаков» позволяет заключить, что отраженная в нем ценностная картина мира донского казачества середины XVII века является православной по своей сути и выдвигает на первый план следующие ценности: 1) Бог (83 словоупотребления с корнями *бог-*, *господ-*, *христ-*, *вер-*, отсылающих к религиозному мировидению); 2) вера в Бога; 3) надежда на Бога (как спасителя души) и Его святых; 4) любовь к ближнему.

10 фрагментов повести содержат отсылки к Священному Писанию, что свидетельствует о православном мировидении казаков.

Специфика православной картины мира казаков середины XVII века заключается в признании приоритетности воинского служения, защиты веры православной, царя и Отечества, что соответствует евангельскому признанию высшей ценности жертвы собою ради спасения друзей.

Анализ текста романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» убеждает, что, с точки зрения автора, в сознании донского казачества начала XX столетия в той или иной мере сохраняются основные элементы православной картины мира. В частности, в репликах казаков активно используются устойчивые выражения, внутренняя форма которых строится на отсылке к образу Бога. Такие языковые единицы, как *упаси бог, с богом, спаси Христос, слава богу, бог даст, ради Христа* и мн. др., употребляются в диалогах преимущественно с положительной коннотацией и позволяют почувствовать, что говорящие относятся к Богу как к сверхценности. Также казаки маркируют названиями событий религиозного богослужебного круга события своей обыденной жизни, создавая, таким образом, некий хронотоп, репрезентирующий целостность обыденного времени и религиозного пространства. Герои «Тихого Дона» напоминают друг другу о Боге и высших

ценностях, используют в качестве таких реминисценций слова религиозной семантики.

В соответствии с представлениями о Боге, заключенными в православном «Символе Веры» и молитве «Отче наш», казаки уповают на Бога, видя в нем источник всех благ, милости, прощения и спасения. Следовательно, они считают одной из главных ценностей надежду на Бога.

О том, что для казаков – носителей традиционного мировоззрения – сохраняет значимость ценность любви к ближнему, свидетельствует формулирование одним из старых казаков напутствий молодым казакам, собирающимся на войну, – не трогать чужого имущества, отказаться от плотских утех и, тем более, не принуждать к ним чужих женщин и т.п.

Сравнение картин мира донских казаков в романе «Тихий Дон» и «Повести об Азовском осадном сидении Донских казаков» позволяет сделать вывод о значительной трансформации казачьего мировоззрения в начале XX века, о смещении системы ценностных координат от православного богоцентризма к антропоцентризму. М. А. Шолохов показывает, что в новых исторических условиях только у части казаков вера осталась жизненным ориентиром; у других остались пустые разговоры о вере; кроме того, в казачьей среде появились люди, не просто разуверившиеся в Боге, но и открыто заявляющие об этом. Таким образом, в их сознании изменяется статус Бога: из сверхценности он превращается в антиценность.

Постепенное разрушение православной картины мира как присущей донскому казачеству демонстрируется в шолоховском романе в значительной мере через такое выстраивание диалогов с участием казаков, в котором читатель благодаря контексту с функционирующими в нём словами религиозной семантики может распознать настоящее отношение персонажей к Богу и его заповедям, а также наблюдать возникновение у одной из коммуникативных сторон когнитивного диссонанса вследствие столкновения несовпадающих или даже антагонистических ценностных систем – традиционной православной и противоречащей ей новой, атеистической.

Основные положения диссертации отражены в 10 публикациях автора общим объемом 4,716 п.л.

**Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, включенных
в перечень ВАК Минобрнауки РФ**

1. Малахова, А. В. Ценностные доминанты православной картины мира в текстах Священного Писания и Священного Предания / А. В. Малахова // Научная мысль Кавказа. 2019. – № 2. – С. 71–75.
2. Малахова, А. В. Гришака Коршунов как носитель традиционных казачьих православных ценностей в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» / А. В. Малахова // Научная мысль Кавказа. – 2019. – № 3. – С.109–114.
3. Малахова, А. В. Языковое выражение православного мировидения в «Повести об Азовском осадном сидении Донских казаков» / А. В. Малахова // Ученые записки НовГУ. – 2019. – № 4 (22). [Эл. ресурс]. – URL: <http://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1543010>.
4. Малахова, А. В. Контекст как средство демонстрации изменений в персонажном мировидении в романе «Тихий Дон» / А. В. Малахова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2019. – № 4. – С. 98–104.

Прочие публикации

5. Малахова, А. В. Фразеологические единицы с корнями БОГ-, ГОСПОД-, ХРИСТ- как отражение традиционного православного взгляда донского казачества на мир в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» / А. В. Малахова // Современные парадигмы лингвистических исследований: методы и подходы. Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., г. Стерлитамак, 14–15 ноября 2016 г. – С. 124–128.
6. Малахова, А. В. Бог в традиционной ценностной картине мира донских казаков в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» / А. В. Малахова // Вёшенский вестник №16: Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. «Изучение творчества М. А. Шолохова на современном этапе: проблемы,

- концепции, подходы» («Шолоховские чтения – 2016») и научных статей. – Ростов н/Д.: ЗАО «Книга», 2016. – С. 206–216.
7. Малахова, А. В. Темпоральная антитеза как маркер столкновения аксиологических кодексов в романе Шолохова «Тихий Дон» / А. В. Малахова // Язык как система и деятельность – 6. Материалы всерос. науч. конф. – Ростов н/Д.: Изд-во Южного федерального университета, 2017. – С. 18–21.
8. Малахова, А. В. Казачество с Богом и без Бога в изображении М. А. Шолохова и П. С. Полякова (лексико-синтагматический аспект исследования) / А. В. Малахова // Вёшенский вестник №17: Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. «Изучение творчества М. А. Шолохова на современном этапе: проблемы, концепции, подходы» («Шолоховские чтения – 2017») и научных статей. – Ростов н/Д.: ЗАО «Книга», 2017. – С. 223–234.
9. Малахова, А. В. Когнитивный диссонанс как причина развития ситуации в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» / А. В. Малахова // Вёшенский вестник № 18: Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. «Изучение творчества М. А. Шолохова на современном этапе: проблемы, концепции, подходы» («Шолоховские чтения – 2018») и научных статей. – Ростов н/Д.: ЗАО «Книга», 2018. – С. 249–260.
10. Малахова, А. В. Православное мировидение казаков в авторском повествовании романа «Тихий Дон» / А. В. Малахова // Вешенский вестник № 19: Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. «Изучение творчества М.А. Шолохова на современном этапе: проблемы, концепции, подходы» («Шолоховские чтения – 2019») и научных статей. – Ростов н/Д.: Принт-Сервис, 2019. – С. 183–193.

Бирюкова Арина Викторовна
Православная картина мира донских казаков
в изображении М. А. Шолохова

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать 15.10.2020 г. Формат 84x108/32

Усл. печ. л. – 1,4 Уч.-изд. л. – 1,5

Заказ № ... Тираж 100 экз.

Отпечатано в

Адрес

тел.: